

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Петровская централизованная библиотечная система»
Методико-библиографический отдел

12+

«ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ»

К 115-летию со дня рождения
советской поэтессы
Ольги Фёдоровны Берггольц

Светлоград, 2025.

Голос Ольги Берггольц стал неугасимым маяком надежды для жителей осажденного Ленинграда. Когда над городом гремели разрывы бомб и снарядов, когда улицы превращались в руины, а в промерзших квартирах царили голод и тьма, её голос звучал как спасительный луч света. Вся страна и весь мир знали, – если Берггольц в эфире – значит Ленинград еще держится.

Для измученного блокадного города Ольга Берггольц была больше, чем поэтесса. Она была символом стойкости и надежды, голосом, который объединял и поддерживал.

Судьба самой поэтессы была во многом трагична, как история ее любимого города. Как-то писатель Михаил Зощенко сказал очень серьезно: «Ах, Оленька, и любовь и судьба у вас будут не счастливыми, от того-то и будете вы писать хорошие стихи». Его пророчества сбылись на 100 процентов.

Данное пособие поможет специалистам, организующим познавательный и творческий досуг населения: библиотекарям, работникам культуры в проведении обзоров, организации книжных выставок, викторин и часов-портретов, преподавателям вузов и учителям словесности средних школ и колледжей в подготовке уроков-презентаций, литературных вечеров.

Пособие содержит библиографический список использованных источников, который поможет найти дополнительную информацию о жизни и творчестве Ольги Фёдоровны Берггольц.

Родилась Ольга Фёдоровна весной 1910 года в Петербурге. По отцу имела немецко-шведские корни. Отец – Фёдор Христофорович Берггольц (1885–1948), потомок военного, взятого в плен при Петре I, по специальности врач-хирург, выпускник Дерптского университета. Мать – Мария Тимофеевна Берггольц (урождённая Грустилина; 1884–1957). Младшая сестра – Мария Федоровна Берггольц (1912–2003), актриса, театральная деятель. Ольгу в семье называли Ляля, а ее сестру Марию – Мусей.

Фёдор и Мария Берггольц

Парадоксальный факт: во время войны отца Берггольц как «опасного элемента» (немецкая фамилия!) выслали из блокадного Ленинграда в Сибирь, а его дочь, носившая ту же фамилию, в ежедневном режиме вела радиопередачи в осажденном городе, став его «голосом».

Их воспитанием занималась мама, которая обожала поэзию и передала эту любовь дочерям. Детство Ольги прошло в двухэтажном доме на Невской заставе, в обычном для интеллигентной семьи тех лет жизненном укладе – няня, гувернантка, любовь и забота родителей.

В Первую мировую отец ушел на фронт полевым хирургом, а мать с девочками переехала в Углич, где они поселились в крохотных бывших монашеских кельях при Бого-явленском монастыре, там Ольга пошла учиться в трудовую школу.

Об этом периоде своего детства Берггольц вспоминала в книге «Дневные звезды» с мистическим страхом: «Ух, какие это были медленные, ледяные вечера, с вонючей слепой

коптилкой, с грозным ревом близких монастырских колоколов, с горючей тоской о Петрограде!» Однажды Муся случайно потушила керосинку, а последняя спичка сломалась, и головку ее в темноте сестры не нашли.

Ольга Берггольц в юности

«– Теперь мы умрем, – басом сказала Муська.

– Ничего, – прошептала я, – скоро вернется мама. Это звонят ко всенощной, значит, урок в ликбезе уже кончился. Ведь старухам ко всенощной надо...

Но мне было еще страшнее, чем сестренке».

«Дневные звезды» – книга, написанная Берггольц уже после блокады, когда позади оставались такие беды и страхи, которыми щедро наградила ее судьба, что, казалось, страх остаться без мамы в темной

монастырской келье должен был быть забыт. Не забыла и с этого начала свою «книгу памяти».

В 1921-м отец вернулся с фронта, перевез семью обратно в Петроград. Родительские мечты об институте благородных девиц и медицинском образовании Ляли бесследно канули, и Ольга стала ученицей 117-й трудовой школы, а в 1924 году она уже была пионеркой, превратившись из набожной интеллигентной девочки в пролетарскую активистку, вскоре вступившую в комсомол.

Когда-то Оля Берггольц была верующей девочкой, во время богослужения даже могла разрыдаться. Теперь все изменилось: с храмов снимали кресты, священников высмеивали, отец говорил, что религия – предрассудок. Вера в бога

ушла, и она истово поверила в то, о чем писали в газетах и говорили по радио: ей казалось, что обычная жизнь, с теснотой, бытовым неустройством и кухонными дрызгами – прелюдия коммунистического рая.

Первое стихотворение четырнадцатилетней Ольги – «Ленин» – опубликовала заводская стенгазета завода «Красный ткач» 27 сентября 1925 года, где тогда работал в амбулатории ее папа доктор Берггольц. А ее первый рассказ «Заколдованная тропинка» появился в журнале «Красный галстук». Через год ее стихи «Песня о знамени» напечатали «Ленинские искры», и Ольга, учившаяся в выпускном классе девятилетки, вступила в литературное молодежное объединение «Смена» при Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. Одновременно она поступила на Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств, где слушала лекции будущего крупного литературоведа Б. Эйхенбаума, талантливого музыковеда И. Соллертинского, исследователя и исторического романиста Ю. Тынянова.

В 1926 году она удостоилась похвалы Корнея Чуковского, отметившего на заседании союза поэтов, что из Ольги непременно получится настоящий поэт.

В тот период Ольга познакомилась с Борисом Корниловым, они стали студентами. Борис уже тогда был знаменитым на весь СССР, его песня прозвучала в фильме «Встречный», музыку к ней сочинил Дмитрий Шостакович. «Не спи, вставай, кудрявая...» запела вся страна.

Она позднее писала о нем: «Глаза у него были узкого разреза, он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что читает, что я сразу подумала: «Это ОН». Это был Борис Корнилов – мой первый муж, отец моей первой дочери».

Борис Корнилов и Ольга Берггольц

Борис сделал ей предложение у Медного всадника, и они поженились. Они много работали, но каждую свободную минуту старались проводить вместе, гуляли по городу и много говорили о поэзии. Ольге Берггольц поэт посвятил свою первую книгу «Молодость». Изданная 3-тысячным тиражом, она принесла Борису Корнилову первый успех.

Корнилов очень любил Ленинград, знал практически все его улицы и закоулки, но его душа рвалась на родину, и каждый год он старался приезжать в Семенов. В 1929 году Корнилов привез в родной город свою жену Ольгу Берггольц и маленькую дочку Иру. Они с Ольгой не раз бывали и в Нижнем Новгороде. Ходили купаться на Гребневские пески, бродили по Откоосу и читали свои новые стихи друзьям. Прожив вместе три года, супруги в 1930 году расстались.

Ее первого мужа успех и известность до добра не довели: Борис Корнилов пил, напившись, дебоширил и делал это так часто и вызывающе, что его исключили из Союза писателей. А через год он был арестован по ложному обвинению. Корнилов заглянул к бывшей жене незадолго перед тем, как был арестован. Она даже не поняла, что Борис предчувствовал свою гибель и пришел попроситься.

В феврале 38-го Корнилов был приговорен к исключительной мере наказания как участник антисоветской троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства. В 1957-м он был посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Жизнь Ольги в 30-е годы была похожа на качели – взлеты и падения.

С 1930 года работала в детской литературе, печаталась в журнале «Чиж», издала свою первую книгу – «Зима-лето-попугай». Далее поступила на филологический факультет Ленинградского университета. Преддипломную практику проходила во Владикавказе летом – осенью 1930 года в газете «Власть труда». Освещала строительство ряда народнохозяйственных объектов, в частности, Гизельдонской ГЭС.

Окончив в 1930 году университет, уезжает в Казахстан, работая корреспондентом газеты «Советская степь», о чём рассказала в книге «Глубинка» (1932).

В ее жизни появился другой мужчина, Николай Молчанов, сокурсник по Ленинградскому университету, такой же как она романтик. Нежно и почтительно в нее влюбленный, во всем уступавший Ольге первенство, не замечавший ее увлечений другими мужчинами, заставил ее забыть о первом браке. Они так любили друг друга, что все остальное – прошлое, курортный флирт, мимолетные романы с коллегами-

литераторами – казалось тенью на стене, ничего не значащей игрой. В Казахстан они уехали вместе, оставив дочь Ирочку у матери Ольги.

Николай Молчанов

Ольга навсегда запомнила узкие немощеные улицы, оборванных детей, журчание воды в арыках и бескрайний степной простор. Писать приходилось обо всем – в том числе и о том, чего они не знали, но это не пугало. Азия завораживала и притягивала – когда Николая призвали на военную службу, он остался служить на границе и гонялся за басмачами... О том, что муж отбился от своих и попал в плен, Ольга узнала, когда его ко-

миссовали: прежде Николай был крепок, как молодой дубок, а к ней вернулся инвалидом.

Николая Молчанова закопали в землю по плечи, и он три дня мучился под палящим солнцем – пока на него не наткнулся конный разъезд. Его спасли, но с тех пор у Николая начались эпилептические припадки: внезапные, страшные, длящиеся подолгу.

По возвращении в Ленинград в 1931-м они поселились в интересном доме по адресу улица Рубинштейна, 7, который почти официально назывался «Слеза социализма». Это был дом-коммуна, построенный в стиле конструктивизма, в котором первый этаж занимали различные общественные помещения: детские комнаты, библиотека-читальня, столо-

вая на 200 мест с кухонным блоком, а на крыше можно было играть, гулять и кататься на велосипеде. Санузлов в квартирах не было – они располагались по одному на этаже.

Дом-коммуна инженеров и писателей «Слеза социализма»

Ольга вспоминала, как молодой широкоплечий Молчанов нес ее на руках по крутой каменной лестнице наверх на пятый этаж к дверям квартиры № 30. Муж целовал ее на каждой ступеньке, а она смеялась и гладила его по голове. Мир казался простым и понятным, а жизнь – прекрасной. Первый лестничный пролет, затем второй, Николай дышит все тяжелее, его плечи начинают подрагивать, но он не сдастся, крепко держит жену. Ей делается страшно, ведь она знает, чем это может закончиться, а муж, тяжело дыша, медленно переставляя ноги, тащится наверх. Вот дверь их квартиры. Он выпускает ее из рук, нашаривает в кармане ключ и слепо тычет им в замочную скважину... Дальше лучше не

вспоминать. Случилось то, что страшной тенью сопровождало их брак, – войдя в квартиру, Николай захрипел, схватился за голову, сполз на пол и забился в конвульсиях. Ей пришлось придерживать бьющуюся об пол голову мужа, разжимать ему зубы, чтобы не прокусил язык. Она гладила его по лбу, нашептывала колыбельную – это его успокаивало...

Несмотря ни на что, их любовь не проходила, время делало ее только крепче. Николай работал в Публичной библиотеке, готовил свою книгу, тушевался, когда к ним в гости приходили друзья жены, писатели с громкими именами, но не смотрел на нее снизу вверх и нисколько ей не завидовал.

Все тридцатые годы Берггольц проработала редактором заводской газеты на заводе «Электросила». На «Электросиле» платили зарплату, что было важно для начинающего писателя, но важнее всего для неё была причастность к великому делу построения социализма. Эта вера придавала ее жизни смысл. В 1935 вышел первый сборник взрослых стихов Ольги Берггольц под названием «Стихотворения», и Ольгу приняли в Союз писателей СССР.

В 1932 у супругов родилась дочь Майя. «Я наполнена материнством до отказа, – писала Ольга. – Когда я кормлю ее, мне кажется, что я перебираю ушами, как кошка, и шевелю хвостом.... Она доставляет мне фактом своего существования – невероятное наслаждение».

Случилось страшное – Майя умирает от обезвоживания. Малышке было всего 9 месяцев. После ее смерти Ольга неделю проплакала, вся высохла от горя. Ее дочь от Бориса Корнилова – Ирина дожила только до 8 лет. После ангины у нее развилось серьезное осложнение на сердце. Девочка задыхалась, теряла сознание. И в начале марта 1936 умерла в тяжелых мучениях на руках у матери. Берггольц всю жизнь

считала, что это ее вина. Из дневника Берггольц: «Боже, я же помню, какая это была мука – ее последняя болезнь, я знаю, что ее нельзя было спасти, что я сделала все, что могла, и все же я виновата, я виновата...»

Николай ее утешал, говорил, что у них будут другие дети. И вот она ждет ребенка.

После убийства Кирова в 34-м в Ленинграде шли постоянные чистки. А в июле 37-го Ольгу вызвали в НКВД свидетельницей по так называемому делу Авербаха, литературного критика, с которым у неё был бурный роман. Авербаха обвинили в антисоветском троцкистском заговоре, организованном Генрихом Ягодой, главой госбезопасности, арестованного в апреле 37-го.

Показания из нее выбивали, что зафиксировано в протоколах допросов. Ольгу допросили так, что после допроса она попала в больницу и потеряла ребенка. Хотя она созналась во всем, в чем ее обвиняли, и ждала приговора, ее неожиданно освободили.

Позже она напишет такие строки:

Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаёте о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.

Как мы любили – горько, грубо.

Как обманулись мы, любя,

Как на допросах, стиснув зубы,

Мы отрекались от себя.

И в духоте безсонных камер,

Всё дни и ночи напролёт,

Без слёз, разбитыми губами

Шептали: «Родина... Народ»...

И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей

Берггольц исключили из Союза писателей, уволили с работы. Ольга была вынуждена устроиться на работу в школу, где преподавала русский и литературу, но в январе 38-го вышло Постановление пленума ЦК «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии». Её восстановили в Союзе литераторов, взяли обратно в заводскую газету.

В декабре 38-го Берггольц, находящуюся вновь на большом сроке беременности, арестовали по обвинению в связи с врагами народа, а также как участника контрреволюционного заговора против Климента Ворошилова и Андрея Жданова и как участницу троцкистско-зиновьевской организации и террористической группы.

Она снова была беременна и надеялась, что будет мальчик Степка.

Берггольц арестовали после допроса ее друга, кировского журналиста Леонида Дьяконова. Он дал нелепые показания, что якобы они с Берггольц и несколькими другими писателями готовили покушение на Жданова, собирались развернуть танк на первомайском параде и выстрелить в того. У заговорщиков, по версии следователя, был другой план: когда мимо трибуны пойдет кавалерия, человек бросит взрывпакет, лошади испугаются, начнется паника, тогда троцкистка Берггольц подберется к трибуне и начнет стрелять. Опять избиение, пытки на допросах, опять потеря ребенка.

Вот что пишет об этом ее младшая сестра Мария Берггольц: «Она говорила мне, что, возможно, дитя погибло в пять месяцев, еще до избиения от психической пытки – ее старший следователь, некто Фалин, лежа (пьяный) на своем столе, говорил ей, что они с ней сделают. “И все страшно сжалось во мне, хотя внешне я была спокойна”».

В дневнике она делает запись: «Вы можете передать моему мужу, что Степки больше нет... Всего два слова, понимаете, два слова: „Степки нет!“ С тех пор ни мальчики, ни девочки у меня больше не рождались».

Под давлением Ольга дала признательные показания, ей грозил расстрел. Полгода она провела в застенках НКВД в одиночке. Берггольц написала проникновенное стихотворение:

Кораблик сделала бы я
Из сердца своего.
По тёмным ладожским волнам
Пустила бы его.

Волна вечерняя, шуми,
Неси кораблик вдаль.
Ему не страшно в темноте,
Ему себя не жаль.
 И маленький бы самолёт
 Из сердца сделать мне,
 И бросить вверх его, чтоб он
 Кружился в вышине.
Лети, свободный самолёт,
Блести своим крылом,
Тебе не страшно в вышине,
В сиянии родном...
 А я в тюрьме останусь жить,
 Не помня ничего,
 И будет мне легко-легко
 Без сердца моего

В тюрьме Ольгу Берггольц продержали 171 день, её здоровье было окончательно подорвано. Несмотря на это, Берггольц держалась стойко и не признала себя виновной. Под пытками были выбиты показания на поэтессу у её товарищей Игоря Франчески и Леонида Дьяконова, с последним её связывали дружеские отношения во время работы в казахской газете «Советская степь». Но первые показания на следствии по делу «литературной группы» против Л. Дьяконова, О. Берггольц и других писателей дал Председатель Вятского отделения Союза советских писателей Андрей Алдан-Семёнов, который был первым в числе арестованных.

Случилась невероятная история освобождения. В конце 1930-х все уже знали, что хождение в НКВД – дело смертельно опасное. Но сестра Ольги, Муся, из Москвы приехала в Ленинград, попала в Большой дом на приём к начальнику

Управления НКВД СССР по Ленинградской области Сергею Гоглидзе – тому самому человеку, который подписал ордер на арест Берггольц. Ему она заявила, что судьбой Ольги Берггольц «интересуется Фадеев», хотя, в действительности, Фадеев никаких усилий для спасения Берггольц не предпринимал.

Фадеев был любимым писателем Сталина. Возможно, это и помогло освобождению Берггольц из-под ареста. Дело о покушении закрыли, после чего Ольгу восстановили в Союзе писателей. С тех пор она всегда носила с собой зубную щетку и резинки с чулками. В камере этого так не хватало! Кто знает, когда за тобой придут опять? Ей всего 29 лет. Впереди – целая жизнь. Но нет больше той жизнерадостной, энергичной, веселой Ольги. Ей казалось, что мир окрасился в мрачные тона и над ней не голубое, а темное небо. Запись в её дневнике: «Я была освобождена и вышла из тюрьмы... Я страстно мечтала о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, – и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть, но я живу... подкрасила брови... мажу губы... Я еще не вернулась оттуда, очевидно еще не поняла всего...»

Вместо романтической девочки, правоверной комсомолки и коммунистки она переродилась и просто потерялась в себе и своих переживаниях. По другому просто не могло быть, ведь – «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули обратно и говорят: живи!».

Выпустив Берггольц на свободу, ее восстановили в Союзе писателей СССР, вернули кандидатскую карточку ВКП (б), вновь приняли на работу. Но теперь она была не в состоянии выносить ребенка, и все ее обрывающиеся беременности по жестокой иронии судьбы будут происходить в декаб-

ре. Месяце, когда ее, босую, истекающую кровью, по снегу вели в тюремную больницу, где погибнет не родившийся на свет Степка...

Жизнь продолжалась: надо было выпускать газету, писать и печататься, сидеть на партсобраниях и правильно голосовать, хотя веры в то, что на них говорилось, у нее больше не было. Но осталась любовь, она придавала силы, вселяла надежду. Николай Молчанов, любимый муж, был спасением, якорем, ради него стоило жить. Он не предал, не отрекся, хотя от него это требовали. Сказал: «Это будет не по-мужски», положил на стол комсомольский билет и ушел с собрания. Она верила, что у них все-таки родится сын, но через два года после того, как ее освободили, началась война.

Вера Кетлинская, руководившая в 1941 году ленинградским отделением Союза писателей, вспоминала, как в первые дни войны к ней пришла Ольга – «обаятельный

Ольга Берггольц с Георгием Макогоненко

сплав женственности и размахистости, острого ума и ребячьей наивности». Непривычно серьезная и собранная, она спросила Кетлинскую, чем может быть полезна. Та направила Берггольц в распоряжение литературно-драматической редакции Ленинградского радио.

Она попала в отдел, начальником которого был Яков Бабушкин, а редактором (и военкором) – молодой филолог Георгий Макогоненко. Он же давал ей редакционные задания. С первых дней знакомства он стал ухаживать за ней, и она принимала его знаки внимания с удовольствием – Макогоненко ей нравился: веселый, красивый, талантливый, деятельный.

Свою жизнь и свои поступки она давно определила в дневниковой записи от 22 сентября 1941 года: «Будущий читатель моих дневников почувствует в этом месте презрение: “героическая оборона Ленинграда, а она думает и пишет о том, скоро или не скоро человек признается в любви или в чём-то в этом роде”. (Хуже всего, если я смотрю выжидающими глазами.) Да, да, да! Неужели и ты, потомок, будешь так несчастен, что будешь считать, будто бы для человека есть что-то, важнее любви, игры чувств, желаний друг друга? Я уже поняла, что это – самое правильное, единственно нужное, единственно осмысленное для людей».

Ольга Берггольц в одночасье стала поэтом, олицетворяющим стойкость блокадного города. В Доме Радио она почти ежедневно вела передачи, которые позднее вошли в ее книгу «Говорит Ленинград».

Она не просто была рядом с ленинградцами – она жила с ними одной жизнью, ходила по тем же улицам, так же недоедала, сидела на голодном пайке и от истощения была на грани смерти.

Дважды ей предлагали эвакуацию. Первый раз звала «сопроводить ее» сама Ахматова, за которой прислали самолет. Отказалась. А второй раз в марте 1942-го, когда слетала в Москву и вернулась через неделю. «Знаешь, свет, тепло, ванна, харчи – все это отлично, – написала другу по эфиру Макогоненко. – Но как объяснить тебе, что это еще вовсе не жизнь – это СУММА удобств. Существовать можно, ЖИТЬ – нельзя. И нельзя жить именно после ленинградского быта, который есть бытие, обнаженное и грозное».

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни,
– И это уже победа.

В блокадном Ленинграде

Ольга Берггольц почти ежедневно выступала по радио, обращаясь к жителям осаждённого города. Её негромкий певучий голос, в котором слились боль, сострадание и героизм защитников Ленинграда, говорил правду о городе, ничего не сглаживая, не украшая. И вся страна знала, что Ленинград и в кольце блокады продолжает жить и бороться. Любовь к Родине и способность заслонить другого – вот что помогло выжить и выстоять.

Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Ольга Берггольц не только выступала по радио, часто вместе с бригадой артистов она выбиралась на фронт, который проходил совсем рядом с городом, читала свои стихи бойцам, защищавшим Ленинград. Сама Ольга Берггольц позже говорила: «То, что мы останемся в Ленинграде, как бы тяжело не сложилась его судьба, – это мы решили твёрдо с первых дней войны. Я должна была встретить испытание лицом к лицу. Я поняла: наступило моё время, когда я могу отдать Родине всё – свой труд, свою поэзию. Ведь жили же мы для чего-то все предшествующие годы».

В конце января сорок второго года от дистрофии умер муж Ольги Николай. Он до последнего «дежурил на крыше» в «Слезе» и главное – успел сделать для нее последнее «доброе дело» – закопать в одном из дворов, под поленницей бревен, ее дневники: «В них много запретной правды... Если выживу – пригодятся...»

Она не смогла похоронить его – не было сил дойти до кладбища, не было хлеба, чтобы заплатить за похороны.

Гробовщики и могильщики работали только за хлеб – он был дороже денег. Николая закопали в общей могиле вместе с другими блокадникам, где – Ольга так и не узнала. Но и в те дни по Ленинградскому радио звучал её голос, негромкий, с лёгкой картавостью.

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.
Какие ж я могла найти слова,
я тоже – ленинградская вдова.
Мы съели хлеб, что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...

Боль утраты не уходила. «...Всё вообще после Колиной смерти кажется мне фальшивым, незначительным, лживым и ненужным, – пишет она 6 февраля 1942 года. – Надо сказать хорошему, очень хорошему и настоящему Юрке, что я любила и люблю всем существом только Николая...»

Целыми днями она безучастно лежала на диване. Макогоненко почти насильно кормил ее, не давая умереть. Умолял писать. Убеждал, просил. Его любовь отогревала ее сердце.

По воспоминаниям Георгия Макогоненко, чтобы как-то отвлечь Ольгу от обрушившейся на неё трагедии, он и тогдашний начальник литературно-драматического вещания Ленинградского радиокомитета Яков Бабушкин уговаривают Ольгу взяться за поэму о блокаде. Срок – к 23 Февраля,

ко Дню Красной армии. Берггольц раньше поэм не писала, но видимо, сам текст, его структура уже внутренне вызрели в ней, оформились интонационно и стилистически. А самое главное – содержание подсказывала сама окружающая действительность.

Фактически за полмесяца, родилась поэма «Февральский дневник» – как памятник умершему мужу и всем, кто погиб той страшной зимой 1941–1942 года. Поэма была впервые прочитана Ольгой Берггольц 22 февраля 1942 года в 195-м номере «Радиоэтики». Это был бессознательный рубеж, навеки связавший маленькую хрупкую женщину с Ленинградом.

За пронзительную правду стихов Берггольц иногда подвергали критике. Партийное руководство не хотело, чтобы она так откровенно писала о «бедном ленинградском ломтике хлеба, который почти не весит на руке». В своем дневнике поэтесса неоднократно упоминала о том, как ее произведения не пропускали в печать или не разрешали читать по радио.

Однако ее творчество находило настоящее понимание у рядовых ленинградцев. Известный поэт Павел Антокольский писал: «Это был чистый источник нужной и самой ценной тогда информации. Юный женский голос говорил правду и только правду, без прикрас, без преувеличения, без надрыва».

Популярность Берггольц среди жителей блокадного Ленинграда была настолько велика, что она попала в список лиц, подлежащих немедленному уничтожению в случае захвата города немцами. Гитлер считал ее своим личным врагом.

Голос Ольги Берггольц спас не одну жизнь – так говорили многие блокадники. А однажды он спас и ее саму. Вера

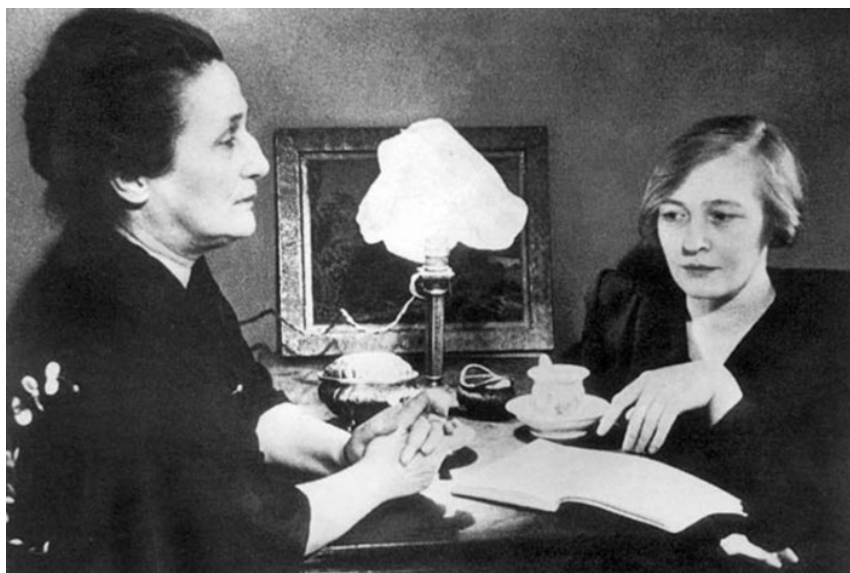
Казимировна Кетлинская как-то позвала Ольгу на ужин. Писательница разжила бутылочкой рыбьего жира и пожарила лепешки из непонятной смеси, основу которой составила кофейная гуща. От Дома Радио до дома Кетлинской нужно было пройти всего два квартала. Но идти пришлось в крошечной тьме – никакого освещения улиц не было.

У филармонии Ольга Федоровна споткнулась и упала на занесенное снегом тело человека. Подняться никак не могла. Вдруг из громкоговорителя зазвучал голос... Ольги Берггольц. Она подумала на секунду, что сошла с ума. Но потом вспомнила: в это время должна была начаться запись передачи с ее участием. Силы вернулись. Берггольц поднялась и пошла от репродуктора к репродуктору – радиоточки находились на каждом перекрестке. Так ленинградцы передвигались по городу: от звука к звуку... Ужин у Веры Кетлинской удался на славу.

18 января 1943 года советские войска после ожесточённых боёв прорывают кольцо Блокады. Ольга на страницах дневника делится радостью с покойным мужем Николаем Молчановым. Что происходит в ночь на 19 января в Ленинграде – не передать никакими словами.

24 января 1943 года она пишет сестре слова, полные счастья и боли: «...Как я думала о тебе, сестрёнка, в ночь с 18 на 19 января... У нас всё клубилось в Радиокomitee, мы все рыдали и целовались, целовались и рыдали – правда! И хотя мы знаем, что этот прорыв ещё не решает окончательно нашу судьбу, – ведь, чёрт возьми, так сказать, с другой стороны, немцы-то ещё на улице Стачек, 156, всё же весть о прорыве, к которой мы были готовы, обдала совершенно небывалой, острой и горькой в то же время радостью... Мы вещали всю ночь, без всякой подготовки, но до того всё отлично шло – как никогда...

Повторяю, хотя мы ещё накануне кое-что существенное знали и, слыша гром нашей артиллерии, понимали, что он значит, – известие меня ошеломило. Просили, чтоб я написала стихи, – но рифмовать я ничего не могла. Я написала то, что просилось из души, с мыслью о Коле, вставила две цитаты из «Февральского», – и как будто бы вышло. Когда села к микрофону, волновалась дико, и вдруг до того начало стучать сердце, что подумала, что не дочитаю – помру. Правда. И потому говорила, задыхаясь, и чуть не разревелась в конце, а потом оказалось, что помимо текста именно это «исполнение» и пронзило ленинградцев.

Анна Ахматова и Ольга Берггольц

Указом Верховного Совета СССР и Ленинградским отделением Союза писателей СССР Ольга Берггольц была удостоена медали «За оборону Ленинграда» – за мужество и доблесть.

27 января 1945 вышел радиофильм «900 дней», в котором использовались разные фрагменты звукозаписей (в том

числе метроном, отрывки из Седьмой симфонии, объявления о тревоге, голоса людей), объединённые в одну запись. Ольга Берггольц, в числе прочих, работала над этим радиопольмом, читала там стихи.

Несмотря на все заслуги, в конце мая 1945 на X пленуме СП СССР была подвергнута критике за то, что в своих стихах отражала тему страдания, связанную с бесчисленными бедствиями граждан осаждённого города. На критику О. Берггольц ответила стихом:

И даже тем, кто всё хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на жёлтый снег пустынных площадей.

После войны на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища, где покоятся 470 000 ленинградцев, умерших во время Ленинградской блокады и в боях при защите города, были высечены именно её слова:

Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.

14 августа 1946 года вышло Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». У совет-

ской интеллигенции оно вызвало шок. «Подонками и пошляками» были названы Михаил Зощенко и Анна Ахматова, сама Ольга была названа среди писателей, которые отходят от партийной линии в литературе, её произведения практически не печатают.

Разгром ленинградских литераторов был началом расправы с самим понятием «ленинградец», выстраданным целым поколением. Печально известное «ленинградское дело» прошло своим катком не только по городской верхушке – Кузнецову, Попкову, Вознесенскому, не пощадило оно и многих, вовсе не причастных к политическим перипетиям людей.

Репрессии стали настигать ленинградцев и за пределами города. Феномен понятия «ленинградец», ставшего после войны символом не только мужества и стойкости, но и культуры, сдержанности и достоинства, был едва ли не опасным. Лишним подтверждением того стало уничтожение в 1949 году Музея Героической обороны Ленинграда, открытого еще 1944-м в здании Соляного городка. Для Ольги это был страшный удар. Она, как и многие блокадники, жила в ожидании ареста – среди экспонатов разгромленного музея были ее фотографии и рукописи стихов...

Ее не тронули, но что-то в ней надломилось после такого откровенного глумления власти над памятью блокадников. Впервые в Ольге зародилось страшное сомнение в правильности происходящего.

Не искушай доверья моего.
Я сквозь темницу пронесла его.
Сквозь жалкое предательство друзей.
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.
Ни помыслом, ни делом не солгу.
Не искушай – я больше не могу....

В редакции газеты «Известия». 9 апреля 1946 года. В первом ряду в середине – Ольга Берггольц

В 50-е Ольга Берггольц мечтает написать свою Главную книгу, которая, по ее мнению, «...должна начаться с самого детства, с первых страниц жизни и поэтому я поехала в город детства, в город счастливейшего сна... Возникла потребность начать сначала, с истоков сознания, с далекого, неувядающего прошлого – моего и моей страны» («Дневные звезды»).

Ольга Берггольц встретила своего учителя рисования, Потехина Ивана Николаевича, подарившего ей рисунок, на котором было изображено то место, где они с семьей проживали на территории Богоявленского монастыря на улице Ростовской. Ольга Федоровна побывала в церкви царевича Дмитрия «на крови». Вспомнив старинный обычай, проходить под колоколом, она сделала это:

«И я стала под колокол и с силой дернула за веревку. И он запел и загудел над моей головой, как тогда, но звук этот для меня все-таки был полон теперь новой силы и нового значения: это был голос, предупреждающий всех, кто вновь вздумал бы обидеть дите войной, голодом, сиротством, что возмездие на страже, что колокол-поэт первым призовет к нему».

Ольга продолжает работать, писать статьи, стихи. В 1952 году она едет на строительство Волго-Донского канала, в шестидесятых совершает поездку по Енисею, на строительство Бухтарминской ГЭС на Алтае. Отовсюду поэтесса привозит стихи, очерки. Это было время благих перемен, время XX съезда партии, пора надежд. В

1947 год

«Новом мире» у Твардовского печатаются ее новые стихи, а потом главы из ее автобиографической повести «Дневные звезды» – новой ступени в творчестве Берггольц, позволяющей понять и почувствовать «биографию века», судьбу поколения.

А в 1967 году страна увидела «Дневные звезды» на экране, режиссер Таланкин снял блистательный фильм по этой повести. И в том же году выходит еще одна кинолента «Первороссияне», сценарий которой Ольга написала сама.

Поэтесса начинает работать над второй частью «Дневных звезд», в основе – дневники, которые чудом уцелели. Все главные стихи оставлены для этой книги. Но времена опять изменились, так называемая оттепель закончилась. Цензоры заработали с новой силой. Ольга поняла, что главная книга жизни издана не будет.

Она ищет поддержки, сильного плеча, на который можно опереться. Но ее третий муж, литературовед Георгий Макогоненко быть таким плечом совсем не собирался. В итоге они расстались. Разлуку с Георгием Ольга переживает мучительно, пытается его забыть.

Жизнь закончилась, ушла последняя любовь. Писать Ольга больше не может – пустота.

Но измученное сердце должно находить забытые хоть в чем-то. И она находила. К сожалению, как это часто бывает с творческими людьми – на дне рюмки. «Пьяная ленинградская мадонна», – стали называть ее к концу жизни. Пила она страшно, безудержно.

Уход из жизни каждого из своих друзей она воспринимала очень тяжело. Друзья умирали, уходили по невозвратной дороге. Ахматова, Тушнова, Светлов, Александр Яшин, Твардовский, Кассиль. «Подбираемся, подбираемся», – горько произносила она, услышав очередную печальную весть.

Иногда она бывала мягкой, доброй, ласковой. Очень любила цветы: гвоздики, розы, скромный душистый горошек, и больше всего – хризантемы.

Эта женщина, так много и так несправедливо страдавшая в жизни, не любила говорить о любви. Но этим чувством была напитана ее поэзия. В суровых и безыскусных строках подчас больше любви, чем в тысячах красивых слов.

Но некоторые ее высказывания навсегда врезались в сердце.

«Любовь, как спущенный курок – не вернуть, не догнать, не остановить».

«Счастье – есть всегда, нужно только узнать его, когда придет, и не испугаться его, может быть не похожего на задуманное...»

Ольга Федоровна Берггольц умерла 13 ноября 1975 года. Ее последним желанием было лежать на Пискаревском кладбище – там, где лежат тысячи ленинградцев, погибших в блокаду, где на граните выбиты написанные ею слова: «... никто не забыт, и ничто не забыто». Но похоронили ее на Литераторских мостках, посчитав, что Пискаревское для нее слишком почетно...

Мемориал Ольге Берггольц при входе в Ленинградский Дом Радио

Список источников:

Берггольц, О. Ольга. Запретный дневник : дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы / О. Берггольц. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011. – 540 с.

Берггольц, О. Ф. Избранные произведения / Составители М. Ф. Берггольц, А. И. Павловского / О. Ф. Берггольц. – 2-е издание. – Ленинград : Советский писатель : Ленинградское отделение, 1983. – 607 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).

Берггольц, О. Ф. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 1. : стихотворения 1924–1941; проза 1930–1941; повести и рассказы; стихи и очерки / О. Ф. Берггольц. Ленинград : Художественная литература, 1988. – 680 с.: илл., портр.

Берггольц, О. Ф. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2 : стихотворения 1941–1953; проза 1941–1954. Говорит Ленинград; очерки и статьи / О. Ф. Берггольц. – Ленинград : Художественная литература (Ленинград), 1989. – 431 с.

Берггольц, О. Ф. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3 : Стихотворения; пьесы; проза; дневные звезды; статьи и очерки 1954–1975 / О. Ф. Берггольц. – Ленинград : Художественная литература, 1990. – 527 с.

Громова, Н. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы / Н. Громова. – Москва : Редакция Елены Шубиной, 2020. – 480 с. – (Проза Натальи Громовой). – ISBN 978-5-17-121906-2

Зелинская, Е. Аще забуду тебя, Иерусалиме : Незабываемая вера Ольги Берггольц / Е. Зелинская // Фома. – 2010. – № 7. – С. 67–68.

Блокада Ленинграда [Электронный ресурс]. – URL: <https://sergey-larenkov.livejournal.com/809.html> – (дата обращения 19.06.2025).

Серия фотографий Сергея Ларенкова создана к празднованию 65-летней даты окончания блокады Ленинграда. Автор просмотрел огромное количество архивных изображений в поисках наиболее впечатляющих фотографий блокады города во время Второй мировой войны: в это нелегкое время тысячи жителей города замерзали до смерти или же умирали от голода. Затем Сергей сфотографировал те же места и совместил изображения.

Недошивин, В. Ольга Берггольц: горе луковое [Две жизни «блокадной Мадонны»] / В. Недошивин // Родина. – 2025. – № 3. – URL: <https://rodina-history.ru/2025/03/07/olga-berggolc-gore-lukovoe.html> – (дата обращения 19.06.2025).

«От сердца к сердцу»: библиографическое пособие / составитель Е. В. Ткаченко; МКУК «Петровская централизованная библиотечная система». – Светлоград, 2025. – 32 с.

An aerial photograph of a city, likely St. Petersburg, Russia, showing a wide river and a bridge. The city is densely packed with buildings, and the sky is clear and blue. The text is overlaid on a semi-transparent white box in the lower-left quadrant.

Светлоград, пл. 50 лет Октября, 10

Тел.: 8(86547) 4-27-61

4-65-41

E-mail: petrovskaya-library@yandex.ru

Сайт: www.bibliosvet.ru